

В Сибири я с далекого 1968 года. После окончания факультета журналистики МГУ мы по распределению приехали с подружкой-однокурсницей в Новосибирск: я – в Западно-Сибирское книжное издательство, Тамара – в газету «Молодость Сибири».

Зима в том году выдалась весьма суровой, и нам выпало испытать все ее прелести. Метро в Новосибирске не было еще и в помине, с транспортом проблемы были чудовищные. И в ожидании автобуса садились на корточки, согревая колени, руки, у нас мерзли даже глаза! И жалели себя. Пожалели и пригрели нас гостеприимные наши будущие коллеги.

А потом – втянулись в работу. Помню первые рукописи, первых авторов, перед которыми сильно робела и оттого была невероятно суровой и требовательной. Уже потом те же авторы признавались, что тоже меня боялись и недоумевали, отчего эта совсем еще юная редактриса такая строгая и недоступная.

А сколько было создано потом книг, и очень даже неплохих – и с

писателями, и с учеными! Большим читательским спросом пользовалась актуальная серия «Рассказы сибирских учёных». Издавали мы с коллегами и коллективный сборник «Собеседник», поднимающий важные вопросы воспитания молодежи и юношества. И Томочка для сборника создала прекрасный очерк, где воспела своего обожаемого Джина, рыжего красавца боксера, и это был настоящий гимн четвероногому другу.

Джин познавал мир, как написала тогда моя подружка, а мы с ней познавали Сибирь. Томск с его удивительной деревянной резьбой, Красноярск со знаменитыми Столбами, Иркутск с Байкалом, Алтай – где еще такое увидишь! А незабываемые лыжные прогулки в Горной Шории! Да и в любимой новосибирцами Березовой роще.

Побывали мы с Тамарой даже в Туруханске, вместе с писательской группой проплыв по Оби, Енисею, Тунгуске и другим таежным рекам. Пробирались среди невероятного количества лаек, привольно разлегшихся на дере-

вянных туруханских тротуарах, и вспоминали мы незабвенную нашу студенческую песню про товарища Сталина, тоже побывавшего в свое время в этом крае.

В 1982 году я перешла работать на Новосибирскую студию телевидения. Работала корреспондентом в информационной программе «Панорама», затем в литературно-драматической редакции. Несколько лет автор и ведущая художественно-публицистической программы «Дар» – о людях творческих профессий. Была художественным руководителем программы о Новосибирском оперном театре «Четыре века оперы», вызвавшей большой резонанс.

Затем в моей творческой биографии появилась белорусская тема. Каждый год, навещая родителей, я на страницах районной газеты «Кировец» начала рассказывать о белорусской диаспоре в Новосибирске. Читатели с интересом воспринимали информацию о переселении белорусов в Сибирь, о том, чем и как живут их соотечественники вдали от исторической родины, как сохраняют родной язык и традиции. А в конкурсе, объявленном газетой на лучший материал в жанре публицистики, автор был удостоен звания лауреата.

Любопытно, что встречаясь периодически с однокурсниками на родном факультете, узнавая, кто и как состоялся в профессии, обнаруживаем, что каждый постепенно обращается к своим корням. И что эта кровная связь так же неразрывна, как наше студенческое братство.

Кто-то из однокурсников-иностранцев, а учились на факультете представители многих стран, назвал наше братство «ниточка несконченна», как говорят поляки. Определение мне кажется это

довольно емким, а эта ниточка моих воспоминаний уводит меня в теперь уже далекое детство.

* * *

Прошло мое детство в небольшом районном городке Кировск, что в Могилевской области. Родители всю жизнь проработали на местном льнозаводе. Вырастили и выучили нас, троих дочерей. И разъехались мы в разные города и даже страны. Младшая, Валентина, оказалась в Чехии, встретив своего Милана в Ленинградском университете. Старшая, Тамара, живёт в Минске. Среднюю же «занесло в Сибирь», как говорила мама, убежденная, что строчки «меня мое сердце в тревожную даль зовет» – это почти обо мне.

А если о раннем детстве, то через всю жизнь проходят воспоминания об отцовской гармошке. Самые первые впечатления – когда папа вернулся с войны. Была осень, он шел от шоссе к дому, а мы со старшей сестрой Томой, мамой и тетей Олей мчались ему навстречу. Бежали мы, как мне казались, очень долго, хотя от шоссе до нашего дома совсем недалеко. Потом папа поднял меня на руки и сказал: «Большая ты уже, моя маленькая!».

Так он и называл меня все время – маленькая. Пока не появилась младшая сестра. Валечку, обидевшись на природу, что не дала ему сына, папа долго и упорно, к всеобщему нашему веселью, называл Ванечкой.

И в тот же вечер, когда папа вернулся с фронта, в нашем доме заиграла гармошка. Мне, пятилетней, запомнилось: звучала она всю ночь. Под нее я, наверное, и уснула. Собрались в основном соседки и те немногие из мужчин, кто успел вернуться. Песен, что тогда

пелись, не помню, но наверняка это были военные: все та же «дорожка фронтовая» и про то, что «помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела».

Запомнился мне папа высоким, худощавым, особенно статным в гимнастерке и галифе – такую «униформу» носило тогда почти все послевоенное мужское население.

Еще картинки из моего военного и послевоенного детства.

«А нехай тое немцу!» – говорила наша баба Алена, если хотела выразить сильное негодование. Так по-своему интерпретировала она, как сказали бы сегодня, нечто вроде «а не пошло бы все к черту!». Отчего немец тот и черт, как воплощение зла, для нас, малолетних детей, выросших после войны, было одно и то же.

У бабы Алены и деда Змитра, как у всех, кто пережил оккупацию, был свой счет немцу. Война унесла сына, фельдшера по профессии. Мы, дети, знали дядю Федю лишь по портрету в рамке, который, сколько помню, всегда висел на стене в самой светлой комнате. Так же, как и дядю Ефима, маминого брата, учителя в мирной жизни. Тоже не вернувшегося с войны. Имена их занесены в Книгу Памяти.

Дед в эту войну уже не воевал. Зато довелось ему «бить немца» еще в Первую мировую. Для нас это было чудовищно далеко – почти как война 1812 года с Наполеоном! Ушел дед на эту войну, когда старшему сыну, моему отцу, исполнился всего месяц. Был ранен и снова воевал. По малолетству, а потом по занятости не удосужились расспросить, а теперь уже и рассказать некому.

И еще одна фраза из их лексикона запомнилась нам – «А каб вас пранцы з'елі!». Говорилось это в

наш адрес, когда мы, внуки, становились совсем уж неуправляемыми. Все лето, с утра до вечера, мы толклись в зеленом уютном дворе бабы Алены и деда Змитра. Родители наши, троих внучек, Тома, меня и младшей Валечки, трудились на заводе в три смены. Еще троих, Лилю, Вову и Лиду, их родители подкидывали на лето из Бобруйска. Развеселая наша компания была предоставлена сама себе, дед же с бабой только смотрели, чтобы мы не сотворили шкodu. Шкода наша была, как правило, безобидная. К примеру, куст крыжовника, что рос за хатой, мы беспардонно объедали, не давая ягодам даже подрасти. Смешно сказать, но в наши глупые головы даже не приходила мысль, что настоящий крыжовник сладкий и крупный, а не та кислятина, которую мы с наслаждением поглощали «на корню». Или вспоминается, как лихо сверзились мы с самодельных качелей, набившись в подвешенное к балке корыто, чудом не поломав ребра. Дед отстегал ремнем, кто попался под руку, чтоб не повадно было. И тут же: «А каб вас пранцы з'елі!». И пранцы эти тоже ассоциировались у нас с немцами.

Для нас, старших, родившихся перед самой войной, немцы были не совсем абстрактным понятием. Старшая сестра Тамара помнит, как прятали ее между мешками с картошкой, когда немцы отлавливали детей для отправки в Германию. Мне же, сидящей на руках у мамы, по ее рассказам, она велела поджимать ноги – совсем маленьких не забирали рыскающие по хатам фрицы.

Зато четырехлетней, в конце войны, мне запомнилось, как, убегая от бомбежки, прятались мы где-то в жите, и увидев, что лежащая рядом мама закрыла глаза, умоляли ее не

спать, потому что нам страшно. Долго еще наша мама со слезами вспоминала, что глаза она закрывала от страха, чтобы не видеть ревушие самолеты.

Война для папы закончилась в Германии. Он не очень любил вспоминать трудные военные будни, ранения и госпиталь, все больше – короткие передышки, когда удавалось взять в руки гармонь. Ее он и привез с войны. А еще привез большой запас польских слов и выражений, поскольку, как он говорил, пришлось постоять в Польше. Очень нам нравилось, как называл он нас с подружками – не иначе, как «паненки», а маму – исключительно «пани Мария». «Ну, поскачите, паненки!», – говорил он нам и брал гармошку. И мы самозабвенно скакали. Позже под дедушкину гармошку начала скакать уже и моя маленькая дочь, единственная сре-

ди внуков «паненка», бабушкина тетка – Маруся, Машенька.

Первую свою песню шестилетняя Машенька спела под дедушкину гармошку, с какой-то недетской серьезностью и печалью:

На теплоходе музыка играет,
А я одна стою на берегу.
Машу рукой, а сердце замирает,
И ничего поделать не могу...

Трепетный, трогательный этот голосок сохранился у нас на пленке.

Под папину гармошку успел поскакать и его маленький сибирский правнук. Наш дом к тому времени уже снесли, и родители еще успели пожить в благоустроенной квартире новой многоэтажки. А сейчас осиротел дом, осиротела и гармошка. Прожили родители честную нелегкую жизнь. И теперь наш долг – детей, внуков и правнуков – хранить традиции семьи и рода.